

УДК 821.161.3'06-311.6:821.111'06-311.6

Ольга Александровна Лиденковаканд. філол. наук, доц., доц. каф. теорыі і практыкі англійскага мовы
Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта**Olga Lidenkova**PhD of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of the Theory and Practice of the English Language
of the Francisk Skorina Gomel State University
e-mail: hollin7@gmail.com**ПРОБЛЕМА ГЕРОЯ И ИДЕАЛА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
БЕЛОРУССКИХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ**

В компаративном аспекте рассматривается эволюция типа героя в жанре современной исторической прозы белорусских и англоязычных авторов в контексте усиления внимания к проблеме личной и коллективной идентичности. Внимание обращается на динамику элементов неоромантической эстетики в характеристике персонажей (Л. Дайнеко, О. Ипатова, В. Ковтун, К. Тарасов, Л. Рублевская, Дж. Крейс, П. Кингснорт, А. Байетт). Выделяются предпосылки актуализации мотива личностного и общественного идеала (романы Л. Рублевской, З. Каминской, Б. Ансуорта, П. Кингснорта, Х. Мендел). Прослеживается оппозиция «высокой» и «низкой» культуры через метафоры аристократизма и внимание к теме истинного наследника. Таким образом, в произведениях как белорусских, так и англоязычных авторов современной исторической прозы можно отметить достаточно много сходжений и параллелей в эволюции типа героя, обусловленных прежде всего общеевропейским кризисом идентичности и повышенным вниманием к проблеме личной и национальной самоидентификации.

Ключевые слова: историческая проза, современная литература, тип героя, метафора, мотив наследника, неоромантизм.

The Concept of the Ideal in Belarusian and British Contemporary Historical Fiction

The article in a comparative aspect examines the evolution of the type of hero in the genre of modern historical fiction of Belarusian and English-speaking authors in the context of the increasing attention to the problem of personal and collective identity. Special attention is drawn to the dynamics of elements of neo-romantic aesthetics in the characterization of protagonists (L. Daineko, O. Ipatova, K. Tarasov, L. Rublevskaya, J. Crace, P. Kingsnorth, A. Byatt). The research highlights the prerequisites for the actualization of the motive of a personal and social ideal (novels by Z. Kaminskaya, B. Unsworth, P. Kingsnorth, H. Mantel). The opposition of «high» and «low» culture is traced through the metaphors of an «aristocratic spirit» and the focus on the theme of a true heir. Thus, in the works of both Belarusian and English-speaking authors of contemporary historical fiction, there are quite a few similarities and parallels in the evolution of the hero type, caused primarily by the pan-European crisis of identity and the increased attention to the problem of personal and collective self-identification.

Key words: historical novel, modern fiction, character, metaphor, the heir motive, neo-romanticism.

Введение

Усиление внимания к проблеме персонального самоопределения идентичности в современной исторической прозе последовательно приводит к постановке вопроса о роли личности в истории.

Проблеме отражения в литературе современного кризиса идентичности (термин Э. Эриксона) посвящены работы А. Нюннинга («On the Englishness of English Literary Histories as a Challenge to Transcultural Literary History»), М. Балкан («The American Counterfeit: Authenticity and Identity in American Literature and Culture»), К. Сингли («Adopting America: Childhood, Kinship, and

National Identity in Literature»), М. Каккаллох, А. Бауком («Out of Place: Englishness, Empire, and the Locations of Identity»), К. Берберич («The Image of the English Gentleman in Twentieth-Century Literature. Englishness and Nostalgia»), Н. Бентли («Rewriting Englishness: Imagining the Nation in Julian Barnes's England, England and Zadie Smith's White Teeth») и др. Можно утверждать, что данное направление с каждым годом привлекает внимание все большего количества исследователей.

Не прекращается интерес к данной теме в работах белорусских исследователей и мыслителей: И. Афанасьева, И. Бобкова,

И. Богданович, В. Гниломедова, У. Конана, А. Мельниковой, В. Микулича, У. Наумовича, Л. Синьковой, М. Тычины, И. Чароты и др. При этом типология персонажей современной исторической прозы изучается чаще всего в рамках исследования творчества конкретного автора (монография А. Пашкевича «Канцэпцыя нацыянальнага быцця ў беларускай прозе замежжа XX стагоддзя», диссертации О. Дорогокупец, А. Новосельцевой и др.). Работ по сравнительно-обобщающему изучению типа героя в конкретном жанре современной литературы (Т. Е. Комаровской подобных монографий «Проблемы поэтики исторического романа США XX века») практически нет, чем и обусловлена актуальность данной статьи.

Целью исследования является анализ эволюции типа героя в жанре современной исторической прозы белорусских и англоязычных авторов в контексте усиления внимания к проблеме личной и коллективной идентичности. Сопутствующие задачи исследования: описать динамику элементов неоромантической эстетики в характеристике персонажей, проследить оппозицию аллегорий «высокой» и «низкой» культуры как основы нациотворческого мифа, выделить предпосылки актуализации мотива личностного и общественного идеалов.

Черты неоромантической эстетики в характеристике персонажей

Для белорусских авторов, особенно старшего поколения, характерен неугасающий интерес к сильной политической фигуре, в некотором роде сверхчеловеку. Даже потерпев поражение, он неизменно оставляет за собой или моральное превосходство, или трагический ореол павшего титана, что чувствуется даже в произведениях с реалистической стилистикой. И необязательно это призрачный король Стах В. Короткевича. Три Константина Л. Дайнеко, Миндовг и Витовт, Ефросиния и даже Элоиза Пашкевич из романов К. Тарасова, В. Ковтун, О. Ипатовой и других обладают почти сверхъестественной силой предвидения, волей и мудростью, возвышающими их над обычными людьми. Все они отмечены либо особым даром знания воли богов, либо сверхъестественной способностью единения с природой и окружающим миром, либо творческим прозрением прошлого и бу-

дущего и иными непостижимыми и недоступными остальным смертным качествами.

О. Ипатова и В. Ковтун связывают способность к творчеству и живительному преображению действительности с женским началом в сочетании с сильным религиозным чувством (образы Ефросинии Полоцкой, Элизы Ожешко, Элоизы Пашкевич). Л. Рублевская часто привносит в портрет героев почти магические способности к преобразованию окружающего мира, будь то художник («Сэрца мармуровага анёла»), писатель-демиург («Сутарэнні Ромула»), алхимик (цикл о Прантише Вырвиче, «Гульня ў Альбарутэнію»), механик-артефактор («Скокі смерці») и др. И поэтому совсем не удивительным а, наоборот, логичным становится трансформация несущих национальную идею героев в белорусскую версию «людей X» в творчестве молодых авторов («Ген зямлі» Длатовской, «Трыкутнік караля» Е. Асноревского).

Протагонист белорусской исторической прозы практически никогда полностью не избавлен от характеристик романтического героя. Это «исключительный характер в исключительных обстоятельствах», непонятый бунтарь и идеалист, бессильный перед лицом неумолимого рока, жертва собственных страстей (К. Тарасов, Л. Дайнеко), обреченный быть одиноким изгоем (Л. Рублевская, В. Ковтун), идеал и образец несгибаемой воли и духа, противопоставляющий смелость и эмоциональную искренность серой обыденности: «Гэта сведчыць аб душы з магутнымі эмацыянальнымі патэнцыямі У вас, паверце, жыццё і пачуцці яшчэ не ўступілі ў той смяротны канфлікт, які ўрэшце ўсё роўна завершыцца перамогай будзённасці. Усясільная будзённасць!» [1, с. 384].

То, что подобные герои нехарактерны для современной англоязычной прозы, не говорит о том, что в ней нет запроса на подобных персонажей, а, скорее, является следствием гораздо большего влияния на литературный дискурс мейнстримных установок постмодернизма на подавление любого серьезного разговора о героическом идеализме. Белорусские авторы здесь пользуются большей свободой, и трагический пафос их произведений основывается на долгой традиции, в т. ч. советской (особенно военной) литературы, направленной на

создание образа идеального гражданина: «Дамаседныя мудрацы распускаяць чуткі аб вірусе з планеты Вар. Хлусня!.. Ёсць сум аб ідэале. Зразумеў? Ёсць неадольны чалавечы сум аб ідэале, аб вышэйшым прызначэнні людскай расы» [2, с. 209].

Концепция идеала в современной исторической прозе

В англоязычной исторической прозе на данном этапе также усиливается интерес к исторической фигуре как идеалу и ориентиру. Это происходит как реакция на деконструкцию в современной европейской культуре самого понятия патриотизма и героизма, которое выливается в т. ч. в неспособность нынешней эпохи породить понастоящему великие фигуры, истинных национальных лидеров, сравнимых с деятелями прошлого. Как выразила это Х. Мендел в своем интервью о герое своего исторического цикла Т. Кромвеле, «well, let me tell you about Jonathan Powell and Alistair Campbell: Thomas Cromwell would have eaten them for breakfast» [3].

Глубокое исследование данной темы представлено в книге Б. Ансуорта «Losing Nelson» (1999 г.). Данный роман можно интерпретировать множеством способов: как уже привычную деконструкцию исторических мифов и стереотипов через низвержение ложного исторического героя – адмирала Нельсона, критику европейской цивилизации через призму теории постколониализма, как утверждение важности обретения личностной идентичности, некоей самости. Но временами все эти интерпретации кажутся лишь маскировкой более глубокой проблемы, к которой ведет смерть Бога, а именно свойственная человеческому обществу потребность в идеалах и образцах, на которые можно было бы ориентироваться и до которых можно было бы расти.

Писателем представлена модификация формы параллельного романа, где мы не просто видим две повествовательные линии, но жизнь Нельсона и его современного биографа Чарльза буквально сливаются воедино благодаря одержимости исследователя предметом исследования. Эта же идея растворения личности в образе своего кумира вдохновила Байетт на создание романа «Possession», но именно Ансуорт довел ее до своего логического конца. Глав-

ный герой Чарльз по минутам разыгрывает сражения адмирала с помощью моделей кораблей. Он мысленно путешествует по следам своего идола, становясь Нельсоном в своем воображении. У него нет своей жизни, т. к. все мысли и поступки подчинены стремлению максимально проникнуть в суть личности военного гения и составить самое полное и правдивое его жизнеописание. Один из выводов, которые можно сделать после прочтения романа, – человек настолько велик и совершенен, насколько велик и совершенен его идеал. Заповедь «Не сотвори себе кумира» трактуется автором как неизбежность деградации человека при поклонении недостойному «богу», что продемонстрировано в сцене, когда фанат (автор употребляет слово «convert» *новообращенный*) Дэвида Боуи делится с Чарльзом чертами поп-звезды, в которых и состоит его подлинное величие и которые достойны подражания: «He is the person I would most have wanted to be» [4, с. 137]. Такому «верующему» нет нужды преодолевать себя и делать что-то сверхъестественное, достаточно верить в мир во всем мире, космическую гармонию и права животных: «He is just like me – he has the same attitudes that I have, he is nonaggressive, he believes in cosmic harmony and animal rights» [4, с. 137].

Человек творит себя по образу своего кумира, и низвержение рукотворного идола грозит уничтожить и душу, которая верила в него, как и происходит с Чарльзом. Кризис наступает, когда герой оказывается не в состоянии прояснить небольшой эпизод из военной кампании Нельсона в Италии. То, что его идеал мог быть замешан в подкупе и предательстве, а подвигами его двигало тщеславие и честолюбие, не только разрушает светлый образ адмирала, но погружает Чарльза в безумие и ведет к окончательному распаду его личности.

Оппозиция «высокого» и «низкого» в характере героя

Для очень многих авторов характерно возвращение к древнему мотиву аристократизма как метафоре внутреннего благородства и величия духа.

После В. Короткевича в белорусской исторической прозе, особенно писателей среднего и молодого поколения, уже стало привычным провозглашение не крестьян-

ской, но «шляхецкой» культуры как истинно народной. Героем должен быть потомок хоть и забытого, но обязательно древнего рода, носитель высокого понимания национальной идеи. В крайнем случае – представитель творческой интеллигенции (местный демиург), а в идеале – персонаж, сочетающий в себе все эти признаки. Противопоставлены им люди с «собачьим сердцем», неспособные воспринять красоту мысли, поступка, архитектуры, природы (отсюда акцентирование уродливости советских построек в текстах белорусских авторов): «Грубья смерды самі топчуць тыя кволья раслінкі прыгажосці, што я з такім натхненнем засяваю для іх жа» [5, с. 16]. Наиболее акцентированно подобная оппозиция жертвенно-возвышенного против низменного и примитивно-инстинктивного представлена в романах Г. Далидовича и Л. Рублевской, посвященных годам революции и становления советской власти: «Бегаюць мачыцца ў камін – у буржуазны, мяшчанскі атрыбут... мінчукі ды выхадцы з вёсак азвярэлі на культуру і літаратуру. Яны таксама хочуць стварыць новае, сваё, хоць некаторыя з іх амаль не ўмеюць чытаць і пісаць, вывучылі на памяць толькі некалькі марксісцкіх лозунгаў» [6, с. 3].

Похожая дихотомия представлена в творчестве П. Кингснорта, в романе «Harvest» Дж. Крейса, где различия героев заключаются в уровне осознанности ценности своей земли и своего прошлого. Это контраст между образованным горожанином и равнодушными работниками поместья, которые (презирают «лишнюю» образованность и слепы к собственной ограниченности): «I've been too schooled, she says dismissively. I find her limited and, except in matters of the field, dull-witted» [7, с. 43]. Подобно тому как у О. Ипатовой большинство глухо к красоте слова и просвещения, у Крейса фермеры видят в цветах (и красоте природы) лишь корм для свиней: «My new neighbors were amused by me, of course, my callow eagerness. For them an iris bulb was pig fodder; celandines were not a thing of beauty but a gargle for an irritated throat» [7, с. 24]. Они «съедают» лес, уничтожают

исторический ландшафт по приказу хозяина, подобно тому как настоящие овцы вскоре «съедят» их самих, когда фермы будут снесены для пастбищ: «But there is only this afternoon for making good, for marking my revenge, my countryman's revenge, on Edmund Jordan and his sheep» [7, с. 192].

Часто подобные сюжеты сопровождаются мотивом самозванца, вытеснившего исконного хозяина земли и культуры. Но если у отечественных авторов эта идея выражается через ландшафт, когда унылые бетонные коробки захватывают фундамент разрушенных памятников и дворцов, у Крейса гротескную игру в лорда затевает слуга: он спит в кровати бывшего хозяина, примеряет одежду хозяйки, смотрясь в ее зеркало, и наслаждается неожиданной властью над чужими судьбами: «There's no one else can help you now. There's no one left excepting me. And, as you see – I rattle them – 'I am the master of the keys'» [7, с. 147].

Параллельно существуют произведения (как правило, писателей самого старшего поколения: В. Гниломедова, В. Яковенко и др.), представляющие собой хроники нескольких поколений крестьянских семей, однако здесь герои, скорее, являются воплощением народной связи с землей, конкретной локацией, чем носителями классовой идеологии.

Заклучение

Таким образом, в настоящее время можно говорить о том, что в исторических произведениях как белорусских, так и англоязычных авторов складывается достаточно схожий тип героя, что во многом обусловлено общеевропейским кризисом ценностных установок и остро стоящим вопросом как персональной, так и коллективной идентичности. В связи с этим актуализируются вопросы поиска идеала, мотив духовного роста и преображения личности. Особенную роль начинает играть оппозиция наследника и самозванца, особенно в сюжетах, посвященных проблеме преемственности и легитимизации нациотворческого мифа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коўтун, В. Крыж міласэрнасці / В. Коўтун. – Мінск : Маст. літ., 1996. – 493 с.

2. Дайнека, Л. Чалавек з брыльянтавым сэрцам / Л. Дайнека. – Мінск : Юнацтва, 1994. – 238 с.
3. Wood, H. Mantel's last Cromwell novel likely to miss summer 2018 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.thebookseller.com/news/mantel-cromwell-he-would-have-eaten-alistair-campbell-breakfast-582211>. – Date of access: 15.05.2021.
4. Unsworth, B. Losing Nelson / B. Unsworth. – New York : Doubleday, 1999. – 352 p.
5. Іпатава, В. Прадыслава / В. Іпатава. – Мінск : Сталія, 2003. – 79 с.
6. Далідовіч, Г. Свой дом / Г. Далідовіч. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 351 с.
7. Crace, J. Harvest / J. Crace. – London : Picador, Pan Macmillan, 2014. – 208 p.

REFERENCES

1. Koutun, V. Kryzh milasernasci / V. Koutun. – Minsk : Mast. lit., 1996. – 493 s.
2. Dajneka, L. Chalaviek z bryl'jntavym sercam / L. Dajneka. – Minsk : Junactva, 1994. – 238 s.
3. Wood, H. Mantel's last Cromwell novel likely to miss summer 2018 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.thebookseller.com/news/mantel-cromwell-he-would-have-eaten-alistair-campbell-breakfast-582211>. – Date of access: 15.05.2021.
4. Unsworth, B. Losing Nelson / B. Unsworth. – New York : Doubleday, 1999. – 352 p.
5. Ipatava, V. Pradyslava / V. Ipatava. – Minsk : Stalija, 2003. – 79 s.
6. Dalidovich, H. Svok dom / H. Dalidovich. – Minsk : Mast. lit., 1992. – 351 s.
7. Crace, J. Harvest / J. Crace. – London : Picador, Pan Macmillan, 2014. – 208 p.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 10.06.2021